

Я. М. ЗАХЕР.

Русская политика по вопросу о Константинополе и проливах во время Триполитанской войны.

J. M. Sacher. — „Die russische Politik in der Frage über Konstantinopel und seine Meeresengen zur Zeit des Tripolitanischen Krieges“.

Das Hauptziel des russischen Imperialismus nach dem Jahre 1905 bildete das Streben, von Konstantinopel und den Meeresengen Besitz zu ergreifen, oder, zum mindesten, freie Durchfahrt für die russische Kriegsflotte zu erhalten, was laut der Londoner Konvention vom Jahre 1871 nicht zulässig war. Dem 5ten Artikel des 1909 in Rakonigi geschlossenen Italienisch-russischen Vertrages zufolge verpflichteten sich beide Seiten dazu, „dass jede von ihnen sich bestreben würde die Interessen der anderen Seite-Russland die Italiens in Betreff Tripolis und der Cyrenaika, Italien — die Russlands in der Frage der Durchfahrten, — zu wahren“.

Daraus folgte, dass ein Versuch Italiens Tripoli zu gewinnen von Seiten Russlands den Versuch sich der Meeresengen zu bemächtigen nach sich ziehen musste. Tatsächlich tauchte die Frage über die Meeresengen schon ganz zu Beginn des Tripolitanischen Krieges 1911—1912 auf. Doch nachdem Russland die Zustimmung des Dreibundes zur Eröffnung der Meeresengen für die russische Kriegsflotte erreicht hatte, stiess es auf einen entschiedenen Widerstand Englands, was ein vollkommenes Scheitern des Versuches nach sich zog.

Одним из краеугольных камней русской внешней политики XIX века являлось, как известно, стремление к захвату Константинополя и проливов. Определяя собой всю линию поведения русской дипломатии в самых различных вопросах международной политики ¹⁾, стремление это с неослабевающей силой развивалось в течение всего прошлого столетия. Если увлечение дальне-восточными империалистическими планами, характерное для самого конца XIX-го и первых годов XX-го в.в., на время ослабило эту тенденцию, она естественно должна была вспыхнуть с новой силой немедленно после катастрофы 1904—1905 г.г. ²⁾. Ближайший же после этой катастрофы европейский кризис — аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины — был

¹⁾ См. ст. М. Н. Покровского „Константинополь“ в сборнике его статей „Внешняя политика“, ст. Рене Пинона в сборн. „Проливы“ (изд. „Кр. Новь“, 1924) и ст. П. Н. Миллюкова „Константинополь и проливы“ в „Вестнике Европы“ за 1917 г.

²⁾ См. нашу статью „К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами“ в сборнике „Из далекого и близкого прошлого“.

использован русской дипломатией для попытки открыть свободный проход через проливы русских военных судов¹⁾; лишь упорное сопротивление Англии заставило царское правительство отказаться от требования, исполнение коего явилось бы первым шагом по пути осуществления его традиционной задачи. Но, потерпев неудачу в 1908 году, русская дипломатия еще не сочла себя окончательно побежденной: следующий за 1908 г. европейский кризис послужил поводом для нового выступления правительства Николая II с проектом об открытии Босфора и Дарданелл для военных судов прибрежных держав. Этим кризисом была Триполитанская война.

Еще за два года до этой войны — осенью 1909 года — во время свидания Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом в Ракоиджи, между Россией и Италией было заключено соглашение, согласно ст. 5 которого обе державы обязывались „соблюдать с благожелательством — одна интересы России в вопросе о проливах, другая интересы Италии в Триполитании и Киренаике“²⁾.

Уже самое существование этого соглашения в значительной степени предreshало поведение русской дипломатии в случае итало-турецкой войны из-за Триполи, а то обстоятельство, что внимание Европы было целиком поглощено происходившими в это время франко-германскими переговорами по мароккским делам, должно было во многом облегчить исполнение поставленной себе русским правительством задачи.

Триполитанская война началась 28 сентября (н. ст.) 1911 года, но уже за несколько дней до этого события русская дипломатия, учитывая его неизбежность, открыла кампанию по вопросу о проливах. При этом, повидимому, в прямой связи с английским ответом 1908 г., указывавшим на необходимость предварительного согласия Турции, на этот раз русское правительство, ведя переговоры с великими державами, не оставило в стороне и самого хозяина проливов.

Письмом от 19 сентября (ст. ст.) 1911 года за № 617 Министерство Иностранных Дел предписало послу в Константинополе Н. В. Чарыкову, пользуясь обстоятельствами итало-турецкой войны и франко-германских переговоров о Марокко, приступить к переговорам с турецким правительством по целому ряду вопросов и в частности о проливах, причем по последнему пункту Министерство считало желательным заключить соглашение следующего характера:

„Императорское Правительство обязуется... оказать Османскому Правительству действительную поддержку, чтобы удержать существующее управление Босфорским и Дарданелльским проливами, распространяя ее равным образом на прилегающие территории. В целях облегчить выполнение вышеуказанного условия, Императорское Османское Правительство обязуется со своей стороны не противиться проходу русских военных судов через проливы при условии, если эти суда не будут останавливаться в водах проливов без согласия на то“³⁾.

При всем этом, однако, в упомянутом письме было оговорено, что относительно проливов „мы добиваемся лишь личного, по отношению к нам, обещания Турции не противиться нашим интересам в этом вопросе; возможные же объяснения с другими Державами мы оставляем за собою“. О времени фактической возможности приступить к переговорам, по Высочайшему одобрению, Н. В. Чарыков имел быть

1) Там-же, а также см. „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 г.г.“. Изд. НКВД, 1922, стр. 529—530.

2) „Материалы по истории франко-русских отношений“, стр. 298.

3) „Материалы по истории франко-русских отношений“. Обзор последних переговоров по вопросу о проливах. Стр. 531.

уведомлен дополнительно. 24 сентября 1911 года Н. В. Чарыков был уведомлен о последовавшем Высочайшем одобрении этих инструкций, и ему предложено приступить к переговорам, „не придавая своему обращению характера резких и бесповоротных настояний“ ¹⁾).

Получив инструкцию от 19 октября, Н. В. Чарыков 24 сентября обратился в Мин. Иностранных Дел с предложением некоторых редакционных изменений в указанной ему формуле соглашения, а также советовал обещать Турции посредничество России для установления между ней и Балканскими государствами прочных отношений на почве поддержания status quo. Однако, эта мысль встретила решительное сопротивление со стороны Министерства, что и было сообщено Н. В. Чарыкову в телеграмме А. А. Нератова от 27 октября за № 1475 ²⁾).

30 сентября Н. В. Чарыков сообщил в министерство, что им передано великому визирю Саид-Паше письмо с текстом намеченной декларации, причем к нему добавлен следующий абзац:

„Выполнение такого истолкования конвенции, заключенной в Лондоне 1/13 марта 1871 г., находится в зависимости от предварительного согласия других держав, подписавших вышеупомянутое соглашение“ ³⁾).

Это изменение, внесенное Н. В. Чарыковым за свой собственный страх и риск, вызвало в Министерстве Иностранных Дел сильное недовольство: телеграммой 9 октября за № 1570 константинопольскому послу было указано, что сделанная им поправка „очень затруднит наши будущие переговоры с другими Державами и недостаточно связывает Турцию на случай осложнения у нас с несогласной Державой“ ⁴⁾).

8 октября Саид-Паша обещал Н. В. Чарыкову дать ответ через неделю, но обсуждение вопроса в турецких правительственных кругах значительно затянулось: 17 октября Н. В. Чарыков упоминает о двухнедельном сроке, данном Саиду для ответа, а 25 октября Саид сказал, что посол совещается с министрами и требует еще неделю или две для ответа ⁵⁾).

Если все изложенные до сих пор переговоры происходили непосредственно между российским послом и великим визирем и носили почти частный характер, то 14 ноября Н. В. Чарыков официально передает турецкому Министру Иностранных Дел Ассим-Бейю текст декларации. Под влиянием полученных им из Петербурга замечаний, заключительный абзац был снова изменен и на этот раз гласил:

„Российское Императорское Правительство и Императорское Оттоманское Правительство с общего согласия доведут до сведения других держав, подписавших Лондонский договор от 1/13 марта 1871 г., о заключении между ними соглашения“ ⁶⁾).

Однако эта поправка не удовлетворила Министерство, и 23 ноября было обращено внимание Н. В. Чарыкова на „опасность и деликатность редакции этого места“ ⁷⁾).

„24 ноября Чарыков телеграфирует за № 725, что при первом чтении Министру Иностранных Дел проекта декларации, Ассим-Бей

¹⁾ Там-же, стр. 531.

²⁾ Там-же, стр. 531.

³⁾ Там-же, стр. 533.

⁴⁾ Там-же, стр. 532.

⁵⁾ Там-же, стр. 531—532.

⁶⁾ Там-же, стр. 532.

⁷⁾ Там-же, стр. 532.

высказал, что он ставит на первое место ¹⁾ вопрос о проливах и подвергнет его на обсуждение Совета Министров незамедлительно. Он постарается предотвратить предположение, будто Россия предъявляет свои пожелания, пользуясь войной... 26 ноября Чарыков телеграфирует, что Ассим-Бей сказал ему, что Совет Министров еще не обсуждал наших предложений и что он относится очень бережно к сообщению их Совету Министров, дабы не думали, что Россия желает использовать затруднения Турции. В виду того, что переговоры вступают, повидимому, в обычную турецкую колею, Чарыков, признавая необходимость давления на Порту, просит разрешения, сообщить текст проекта соглашения французскому и английскому послам (тексты эти не были им сообщены) ²⁾.

Было-бы, однако, неправильно думать, что затеянные русским правительством переговоры с Турцией об открытии проливов для прохода русских военных судов велись совершенно без ведома остальных держав. Напротив, русская дипломатия, начиная переговоры с Турцией, одновременно стала зондировать настроение великих держав: относилось это не только к державам дружественным, но и к государствам враждебного России германского блока.

В отношении самой Германии сделать это было тем более легко, что такие переговоры велись с ней уже не впервые и согласие Германии на открытие проливов было дано еще раньше — так, по крайней мере говорили и посол в Париже А. П. Извольский ³⁾ и сам Николай II, который 22 октября „отмечает, что император Вильгельм в общих чертах говорил давно, что со стороны Германии мы не встретим затруднений при условии мирного разрешения Россией вопроса о проливах. Гинце ⁴⁾ говорил то-же в 1909 году“ ⁵⁾.

Мы не имеем точных данных о ходе переговоров с Германией в октябре 1911 года. Весьма вероятно, что начало им было положено в частных беседах русских дипломатов с германскими государственными деятелями; в результате этих частных бесед в первых числах ноября, по возвращении из отпуска, германский посол граф Пурталес заявил, что „Германия еще со времени Бисмарка признает принцип преимущественных интересов России в проливах и не сделает никаких затруднений к разрешению его согласно нашим желаниям, при условии причастности к переговорам“ ⁶⁾.

3 ноября эти соображения передаются графу Остен-Сакену ⁷⁾ для сообщения в разговорной форме германскому правительству с выражением надежды, что Германия благоприятно отнесется к намеренным переговорам нашим с Портою. 5 ноября гр. Остен-Сакен сообщает личное мнение Кидерлена ⁸⁾, что у Германии нет интереса

¹⁾ Кроме вопроса о проливах, в декларации затрагивался еще целый ряд других вопросов.

²⁾ „Материалы“, стр. 532.

³⁾ В письме А. А. Нератову от 29 сент./12 окт. А. П. Извольский говорит: „...помнится, что мною было отмечено весьма важное заявление Германии в смысле ее согласия на наши планы, но я совершенно забыл, в какой форме и по какому поводу было сделано это заявление: чуть ли не в телеграмме или письме Императора Вильгельма к Николаю“, а в письме от 27 окт./9 ноября он отмечает, что „насколько могу вспомнить, у нас где-то имеется заявление... Германии по этому вопросу, но я никак не могу восстановить в памяти время и форму этого заявления“. „Материалы“, стр. 122 и 131.

⁴⁾ Флигель-адъютант, член германского посольства, состоявший при особе Николая II в 1909—1911 г.г.

⁵⁾ „Материалы“, стр. 537.

⁶⁾ Там-же, стр. 537.

⁷⁾ Российский посол в Берлине.

⁸⁾ Германский министр иностранных дел в 1910—1912 г.г.

мешать нам при условии согласия Турции. На это граф Остен-Сакен замечает, что нам нужен предварительный отзыв Германии для успешного разговора с турками. 10 ноября граф Остен-Сакен сообщает: „Берлинский кабинет ни в какой мере не препятствует нашим соглашениям с Турцией относительно проливов“ ¹⁾.

Почти так же, как с Германией, обстояло дело и с ее союзницей — Австро-Венгрией, еще в 1908 г. давшей свое согласие на право прохода через проливы русских военных судов ²⁾. Соответственно этому австрийский посол в Турции маркиз Паллавичини заявил 30 октября 1911 года Н. В. Чарыкову, что „Венский кабинет уже высказал свое принципиальное согласие на свободное прохождение русских судов через проливы (в 1908 году)“ ³⁾. Правда, это заявление Паллавичини не помешало австрийскому премьеру гр. Эрен-талю заявить 6 ноября русскому послу Н. Н. Гирсу, что „Паллавичини говорил от себя, но что он готов обсудить вопрос дружески, хотя и не считает себя связанным обещаниями 1908 г.“ ⁴⁾. Однако, уже 10 ноября Н. Н. Гирс сообщил, что „австрийскому послу в С.-Петербурге даны инструкции по этому вопросу в смысле признания наших специальных интересов в проливах“ ⁵⁾.

Значительно проще, нежели с Германией и Австро-Венгрией, обстояло дело с третьим членом Тройственного союза — Италией. Заключенное в 1909 г. в Ракопиджи соглашение разрешало вопрос о проливах в положительном для России смысле. Если теперь могла идти речь об отношении Италии к русскому проекту, то лишь в смысле получения от итальянского правительства повторного заявления о своем благожелательном для России расположении. Вот почему А. П. Извольский имел полное основание еще за два дня до официального начала триполитанской войны (13/26 октября 1911 г.) писать А. А. Нератову:

„... Вы конечно вспомните, что в силу заключенного в Ракопиджи соглашения мы обязались не препятствовать свободе действий Италии в Триполи, взамен чего Италия со своей стороны, обещала нам подобное же отношение к нашей политике в проливах. Мне кажется, что мы ни в каком случае не могли бы возражать против выступления Италии по существу Следовало бы во всяком случае, в той или другой форме, заручиться заявлением Италии, что, осуществляя ныне предусмотренные соглашением с нами права свои в Триполи, она продолжает считать себя в будущем связанною по отношению к нам в вопросе о проливах“ ⁶⁾.

В том же духе высказался 17 сентября (ст. ст.) и посол в Константинополе Н. В. Чарыков ⁷⁾.

28 сентября Министерство Иностранных Дел частным письмом предписывает А. П. Извольскому „через Титтони ⁸⁾ возбудить в Риме

¹⁾ „Материалы“, стр. 538.

²⁾ В уже цитированном письме к А. А. Нератову от 27 окт./9 ноября 1911 г. А. П. Извольский говорит: „... что касается Австрии, то после 1908 г. вряд-ли она считает себя формальным образом связанною перед нами в этом вопросе; с другой стороны, раз мы, в конце концов, признали аннексию, она вряд-ли имеет нравственное право не исполнить своего обещания касательно проливов. Напомню Вам, что в письме императора Франца-Иосифа к Государю Императору, во время Боснийского кризиса имеется как бы косвенное подтверждение этого обещания“. „Материалы“, стр. 131.

³⁾ Там-же, стр. 538.

⁴⁾ Там-же, стр. 538.

⁵⁾ Там-же, стр. 538. Поручение это было исполнено около 20 ноября, причем гр. Турн указал на необходимость найти формулу, обеспечивающую Австрию от нападения русского флота.

⁶⁾ „Материалы“, стр. 115—116.

⁷⁾ Там-же, стр. 537.

⁸⁾ Итальянский посол в Париже.

вопрос о закреплении Италией принятых ею на себя в Ракопиджи обязательств относительно признания за Россией свободы действия в вопросе о проливах¹⁾. 26 окт./9 окт. А. П. Извольский пишет А. А. Нератову весьма доверительное письмо следующего содержания:

„Очень радуюсь, что мысль моя об укреплении Итальянского обязательства о проливах встречена Вами сочувственно. Тотчас по получении Вашего письма, я вызвал г-на Титтони на более конкретный разговор и предъявил ему выработанный Вами проект письма Итальянского министра Иностранных Дел на имя Русского министра Иностранных Дел. Г-н Титтони не только согласился с предлагаемой Вами процедурой, но высказал мне, что вышесказанный проект кажется ему вполне приемлемым и что если бы он был Министром Иностранных Дел, он не поколебался бы его подписать; записав под мою диктовку проект письма, он обещал мне либо отвести его лично в Рим, либо отправить его туда с курьером; он предпочитает первый способ, ибо это дало бы ему возможность словесно изложить королю и г.г. Джиолитти²⁾ и Сан-Джулиано³⁾ аргументы в пользу исполнения нашего желания. Время его поездки в Рим находится в зависимости от окончания триполитанского кризиса; если же кризис этот затянется, то он изложит вышесказанные аргументы в письменной форме. В обоих случаях он не сомневается в утвердительном ответе Короля и его Министров“⁴⁾.

Но несравненно важнее переговоров с государствами тройственного союза были переговоры России с дружественными державами — Францией и Англией. Что касается первой, в разговорах с ней никаких затруднений предвидеться не могло, тем более, что происходившие в это время франко-германские переговоры о Марокко делали для Франции очень важной поддержку России и естественно располагали ее к предупредительности к последней. Соответственно этому в отправленном 22 октября 1911 г. за № 631 секретном письме Министра Иностранных Дел С. Д. Сазонова А. П. Извольскому, между прочим, говорилось следующее:

„Связанные с Францией определенными отношениями и малоинтересованные на северо-западе Африки, мы, очевидно, заранее согласимся на то, на чем порешит Франция свои переговоры с Германией. Но это дает нам, как мне кажется, определенные основания надеяться, что и Франция сочтет своей нравственной обязанностью при случае заплатить нам тою же монетою и отказать заранее от оппозиции или вмешательства в такие вопросы, где Франция менее заинтересована, мы же имеем существенные интересы

Из таких вопросов более определенный характер носят два: вопрос „о проливах“ и вопрос „Манджурский“. Далекие от мысли связывать Францию относительно проливов ныне же какими-либо конкретными обещаниями на определенное будущее, мы считаем, однако, своевременным заручиться согласием нашей союзницы не противиться нашей точке зрения и нашим возможным выступлениям в тот момент, когда мы сочтем нужным приступить в отношении наших вопросов к определенным переговорам и может-быть даже действиям. Я полагаю, что уговору о проливах применительно к формулам, обмененным с Италией в Ракопиджи и имеющим ныне быть более точно определенными, могла бы быть придана форма обмена писем между обоюдными Министрами Иностранных Дел приблизительно в выражениях, изложенных в прилагаемом при сем проекте Благоволите при ближайшем случае поставить Правительство Республики в известность об изложенных наших ожиданиях и о ходе разговоров Ваших на эту тему не оставлять меня своевременно своими уведомлениями“⁵⁾.

Приложенный к этому письму текст проекта уговора о проливах гласил: „Франция обязывается рассматривать благожелательно русские интересы в вопросе о Босфорском и Дарданелльском проливах и не препятствовать осуществлению проектов, которые Россия может

1) „Материалы“, стр. 537.

2) Итальянский премьер.

3) Итальянский министр иностранных дел.

4) „Материалы“ стр. 118.

5) Там-же, стр. 115.

иметь в виду относительно названных проливов и территорий, к ним прилегающих¹⁾.

Одновременно с этим Н. В. Чарыков, приступая к переговорам с турецким правительством, предупредил об этом французского посла в Константинополе Бомпара²⁾, результатом чего была следующая телеграмма (28 сентября, № 1455) А. А. Нератова А. П. Извольскому:

„По поручению де-Сельва³⁾ Французский Поверенный в Делах запросил меня о значении объяснений Чарыкова с Бомпаром о проливах. Я ему указал на новое для нас значение проливов, на необходимость обеспечения наших интересов в проливах и на особую важность для нас сохранения в настоящее время турецкого на них суверенитета. Признавая желательным установить нашу точку зрения прежде всего перед Французским Правительством, мы обратились через Вас к Парижскому Кабинету с целью ознакомиться с его отношением к вопросу в убеждении, что Франция сочувственно отзовется на наше желание о признании наших особых интересов в вопросе о проливах. Затем уже нам предстоит обсудить вопрос о дальнейшем направлении дела, при чем имелось в виду сперва зондировать Константинопольскую почву при поддержке Франции по частному вопросу о праве прохода русских военных судов через проливы. Поднимать теперь какие либо принципиальные вопросы, связанные с пересмотром трактатов, мы не предполагаем, а лишь стремимся к улучшению нашего фактического положения, не нанося ущерба другим державам. До обращения к последним, мы считаем себя обязанными заручиться полным содействием Франции⁴⁾.

Получив инструкции из Петербурга, А. П. Извольский отправился к де-Сельву для исполнения возложенного на него поручения. Происшедшая при этом беседа излагается в письме русского посла к А. А. Нератову от 28 сент./11 окт. 1911 г.

„..... Напомнив ему о неизменно дружеском отношении нашем ко всем начинаниям Франции в области Мароккского вопроса и об оказываемой нами Французскому Правительству деятельной дипломатической помощи в настоящих его затруднениях, я высказал, что и мы рассчитываем на внимательное и сочувственное отношение Франции к различным вопросам, в которых она мало заинтересована, мы же имеем существенные интересы. Вслед за сим я изложил ему все затронутые в.... письмах Ваших пункты. Начав с наиболее важного и трудного вопроса о „проливах“, я высказал ему, что, хотя мне ничего неизвестно о времени, когда этот вопрос может быть нами поднят, мне предписано ныне же обратить на него внимание Французского Правительства. „За последнее время“, сказал я, „в Европе и в особенности в бассейне Средиземного моря произошли весьма существенные политические изменения: Франция утверждает свое владычество над Марокко; Италия приобретает Триполи и Киренаику; Англия укрепляет свое положение в Египте и, как видно из распоряжения о нейтралитете этой страны во время Турецко-Итальянской войны, не стесняется соображениями об юридической принадлежности ее к Османской Империи. Что касается до нас, то, не будучи прямо заинтересованы в этих вопросах и руководствуясь общим характером наших отношений к Франции, Англии и Италии, мы относимся вполне сочувственно ко всем этим действиям и, кроме того, прилагаем самые бескорыстные усилия к тому, чтобы удержать от воинственных выступлений Балканские государства. Но мы обязаны также подумать о собственных наших интересах и о том, чтобы избавиться от наложенных на нас при других обстоятельствах и ныне совершенно устарелых стеснений. Три года тому назад, во время кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины, мы получили от Франции самые определенные уверения, что в вопросе о проливах мы можем рассчитывать на ее сочувствие — но в то время мы добровольно отказались поднять этот вопрос, дабы не осложнять положения и не подвергать опасности всеобщего мира⁵⁾. Мы, конечно, ни минуты не сомневаемся, что и в будущем нам обеспечено сочувственное отношение

1) Там-же, стр. 535. Таким образом здесь шла речь уже не только о свободе прохода через проливы русских военных судов, но умышленно давалась чрезвычайно растяжимая формула, под которую мог быть подведен полный захват проливов.

2) „Материалы“, стр. 118.

3) Французский министр иностранных дел.

4) „Материалы“, стр. 119. Из этой телеграммы ясно видно, что истинные планы русского правительства в это время далеко не ограничивались одним открытием проливов для прохода русских военных судов и что это предложение выставлялось лишь в виде пробного шара.

5) На самом деле этот отказ был вовсе не добровольным, а являлся результатом занятой Англией враждебной позиции.

Франции в этом вопросе, тем более, что появление нашего Черноморского флота в Средиземном море может лишь усилить положение французских морских сил в этих водах. Тем не менее, в виду совершающихся на этом театре формальных перемен, нам необходимо озаботиться о таком же формальном закреплении наших прав и интересов. Мы надеемся, поэтому, что Французское Правительство не откажет так или иначе оформить свое отношение к шагам, которые мы найдем нужным рано или поздно предпринять касательно проливов и прилегающей к ним территории“.....

Г. де-Сельв весьма внимательно меня выслушал и, не входя в ближайшее рассмотрение затронутых мною вопросов, заявил мне, что он самым искренним образом готов обсудить со мною эти вопросы. Он прибавил, что ему уже известно от своего Представителя в Петербурге, что мы озабочены разрешением вопроса о проливах и что он вполне оценивает силу выставленных мною аргументов. Принимая во внимание весьма малое знакомство г. де-Сельва с вопросами внешней политики, я ограничился покуда вышеизложенным общим разговором; через некоторое время я намерен опять вернуться к этой теме и выступить с более конкретными пожеланиями, причем момент для подобного выступления надо будет выбрать в зависимости от хода Франко-Германских переговоров и развития Триполитанского столкновения“ ¹⁾.

Франко-Германские переговоры о Марокко закончились соглашением 22 окт./9 ноября 1911 г. и в тот же день А. П. Извольский обратился к де-Сельву с письмом. Выражая одобрение русского правительства по поводу только что подписанной конвенции, он вместе с тем возвращался к вопросу о проливах, уже затронутому во время предшествующих разговоров.

„В продолжение наших недавних бесед Ваше Превосходительство сооблаговолило подтвердить мне заявления, полученные нами от Французского Правительства во время событий 1908 года и снова уверить меня, что Франция, благосклонно взирая на русские интересы в вопросе о Босфорском и Дарданелльском проливах, готова благоприятствовать решениям, которые Россия, при случае, может оказаться вынужденной принять по отношению к вышеназванным проливам.

Эти уверения, которые я не преминул довести до сведения моего Правительства, были высоко оценены Его Величеством Императором, моим Августейшим Государем..... В заключение предыдущего позволяю себе повторно выразить твердую уверенность о том, что в тот момент, когда Франция, дружественная России и с ней союзная, собирается укрепить на новых и прочных основаниях свое положение в северной Африке, Французское Правительство, которому Императорский Кабинет не переставал оказывать ради этой цели свою самую искреннюю дипломатическую поддержку, готов, в свою очередь, удостоверить, что признает за нами свободу действий в области проливов, равно как и в северном Китае, и не откажет в своем одобрении тем мерам, к каким мы можем быть вынуждены прибегнуть ради ограждения там наших интересов и упрочнения нашего положения.

Прося, чтобы Ваше Превосходительство сооблаговолило подтвердить мне, что Правительство Республики согласно с нами по различным вопросам, затронутым в этом письме, я пользуюсь случаем возобновить уверения в моем глубочайшем почтении“ ²⁾

Через несколько дней после письма А. П. Извольский лично отправился к де-Сельву для принесения ему поздравления с благополучным окончанием франко-германских переговоров. Во время завязавшейся беседы министр иностранных дел выразил послу благодарность за помощь России во время переговоров „и присовокупил, что он занят в настоящее время изготовлением такого ответа на мое письмо, который был бы способен дать нам самое положительное удовлетворение“ ³⁾.

Сравнивая формулировку русских пожеланий в письме Извольского с текстом проекта российского Министерства Иностранных Дел, мы замечаем гораздо большую широту и неопределенность первой по сравнению с последним („признание свободы действий“ вместо „благожелательного рассмотрения“) и изменение это было мотивиро-

¹⁾ „Материалы“, стр. 120—121.

²⁾ Там-же, стр. 129.

³⁾ Письмо А. П. Извольского к А. А. Нератову от 26 окт./8 ноября. „Материалы“, стр. 127.

вано Извольским (в письме к А. А. Нератову от 26 окт./8 ноября) тем, что министерская формулировка могла бы „оказаться впоследствии недостаточною или слишком узкою“ и что „некоторая эластичность редакции при нынешних столь неопределенных обстоятельствах как на ближнем, так и на дальнем Востоке, имеет даже некоторые преимущества“¹⁾. Однако, эта неопределенность испугала французские правительственные круги: А. П. Извольский мог убедиться в этом во время своей беседы с выдающимся французским дипломатом, послом в Петербурге Жоржем Луи.

„Из слов г. Ж. Луи я мог заключить, что здесь несколько опасаются выдать нам обязательство относительно проливов в тех выражениях, которые употреблены мною в заключительной части моего письма; г-на Луи смущает главным образом неопределенность выражения „свобода действий“; он желал бы знать, что именно мы имеем в виду предпринять по отношению к проливам и к какому разрешению связанных с ними вопросов мы стремимся. Я ответил г-ну Ж. Луи, что сказанное выражение употреблено мною именно вследствие его неопределенности, ибо в настоящую минуту невозможно предвидеть, какой оборот примет вопрос о проливах. „Россия“, — сказал я, — „заинтересована в том, чтобы по возможности дольше сохранить существование Турецкой Империи, но при том условии, чтобы с нее были сняты устаревшие и несовместимые с нашими интересами и с нашим достоинством стеснения; поэтому мы прежде всего стремимся к тому, чтобы установить с Турецким Правительством дружеское соглашение по сказанному вопросу. Но если подобное соглашение окажется недостаточным, или если наступит ликвидация турецкого владычества в Европе, то, конечно, изменится и наше отношение к проливам. Подобно тому, как Франция заявила нам текущим летом, что она не может допустить утверждения какой-либо посторонней Державы в Марокко, со своей стороны и мы обязаны предупредить Францию, что Россия не может допустить перехода проливов в иные руки кроме русских. Мы, конечно, заранее уверены, что как в первом, так и во втором случае мы встретим со стороны союзной Франции полное сочувствие и поддержку; тем не менее весьма важно оформить отношение Французского Правительства к настоящему вопросу. Насколько я мог заметить, разъяснения мои произвели на г-на Ж. Луи должное впечатление. Он согласился со мною, что весьма полезно заранее выяснить между Россией и Францией отношение обоих Правительств к могущим возникнуть как на близком, так и на дальнем Востоке событиям. Он признал также, что избранный мною путь является наиболее удобным приступом к обмену мыслей по вышесказанным вопросам. Со своей стороны, я еще раз подчеркнул, что письмо мое к г-ну де-Сельву имеет лишь предварительный характер и что если Французское Правительство находит его содержание слишком неопределенным, мы легко можем перейти к более точной формулировке наших пожеланий. В результате, г-н Ж. Луи обещал мне, как только у него будет готов проект ответа, ознакомить меня с его содержанием“²⁾.

Однако беседа А. П. Извольского с Жоржем Луи далеко не разрешила сомнений не только этого последнего, но и самого де-Сельва. Правда, Извольский в письме к А. А. Нератову от 10/23 ноября утверждает:

„Письмо мое к де-Сельву, не предвещая последующего хода. переговоров, возымело то хорошее последствие, что вывело эти два вопроса³⁾ из области общих и бесплодных бесед с Министром, не имеющим никакого представления ни о их важности, ни о их сущности“.

Но это не мешает ему думать:

„Как я заранее предвидел, ответ его на мое письмо вряд ли окажется исчерпывающим и способным дать нам полное удовлетворение. Я считаю вероятным, что Французское Правительство побойтся выдать нам безусловное обязательство в смысле признания полной нашей свободы действий в проливах и, ограничившись на первый раз какою-либо неопределенною формулою, попросит нас тоже определить наши пожелания. Подобный ответ, если он окажется для нас недостаточным, дает нам вполне удобный повод перейти к более формальным и подробным переговорам“⁴⁾.

1) Там-же, стр. 126—127.

2) Там-же, стр. 133—134.

3) Т.-е. о проливах и о северном Китае.

4) „Материалы“, стр. 136—137.

Однако, французское правительство не особенно торопилось даже и с таким неопределенным ответом. Проходит две недели ¹⁾, затем почти еще месяц и лишь 4 января (н. с.) 1912 года де-Сельв обращается к Извольскому с письмом, вполне подтверждавшим пессимистические ожидания последнего.

"4 ноября Ваше Превосходительство изволили выразить от имени и по распоряжению Российского Правительства уверенность в готовности Франции засвидетельствовать России в некоторых вопросах, особенно интересующих нашу союзницу, столь же благожелательные намерения, как и выраженные Российским Правительством при переговорах и недавнем соглашении относительно Марокко. Вопросы, особенно затронутые в Вашей означенной депеше, связаны, в Европе, с управлением проливами, а в Азии — с положением России в северных областях Китайской Империи. Вообще, я счастлив вновь подтвердить Вашему Превосходительству заявления Французского Правительства в связи с событиями 1908 года относительно удовлетворения, которого Россия, быть может, будет вынуждена добиваться в вопросе о Босфорском проливе и Дарданеллах. Французское Правительство по-прежнему расположено обменяться с Российским Правительством взглядами на этот предмет, если бы новые обстоятельства вызвали необходимость обсуждения вопроса о Проливах" ²⁾.

Однако, постигшая его неудача не разочаровала Извольского; в своем письме к С. Д. Сазонову от 27 дек./11 января он попытался представить письмо де-Сельва в качестве частичной победы русской дипломатии.

"Обращаясь к анализу письма г. де-Сельва по существу, мне кажется, что оно может быть признано не лишенным значения и цены; в первой своей части оно заключает, под видом фигуры повторения, признание параллельности нашего отношения к интересам Франции в Мароккском вопросе с отношением Франции к нашим интересам в вопросах о проливах и северном Китае. Вслед за сим г. де-Сельв формально подтверждает данные нам Французским Правительством в 1908 году уверения касательно проливов; как известно, в то время уверения эти не были облечены в письменную форму и носили характер обещания со стороны Франции общей поддержки нашей политике по отношению к Босфору и Дарданеллам. Затем выраженная г. де-Сельвом готовность войти с нами в обмен мыслей о проливах дает нам возможность со временем приступить к более подробному выяснению этого вопроса" ³⁾.

Анализируя изложенный нами ход переговоров, начатых в 1911 г. русской дипломатией по вопросу о проливах, мы не можем не обратить внимания на одно обстоятельство, могущее на первый взгляд показаться совершенно загадочным. Почему Германия и Австро-Венгрия, один из краеугольных камней внешней политики которых заключался в принципе воспрепятствования проникновению России на Балканы, столь легко и безболезненно согласились на открытие прохода через проливы для русских военных судов? Почему наоборот союзная России и сама мало заинтересованная в данном вопросе Франция боялась дать свое согласие на виды русской дипломатии?

Для понимания того и другого нужно обратиться к позиции государства, о роли которого в переговорах 1911 года мы еще не упоминали, а которое между тем являлось в данном вопросе решающим фактором: мы разумеем, конечно, Англию. Ведь именно Англия в течение всего XIX столетия противилась русским видам на проливы. Если в конце века традиционная русско-английская вражда сменилась все усиливающейся дружбой, она все же не помешала Англии поставить

¹⁾ В письме к А. А. Нератову от 24 ноября/7 дек. А. П. Извольский пишет: „мною все еще не получено ответа на мое письмо о проливах и Китае и я нарочно не тороплю де-Сельва и Жоржа Луи..... Раз мое письмо заключало скорее утверждение, нежели вопросы, проволочка в ответе выгодна скорее нам, нежели французам“.

„Материалы“, стр. 139.

²⁾ Там-же, стр. 144.

³⁾ Там-же, стр. 145.

в 1908 г. такие условия своего согласия на открытие проливов, которые заставили русскую дипломатию сразу прикусить язык. Правда, после 1908 г. русско-английское сближение продолжало укрепляться, но давало ли оно повод думать, как это делал А. А. Нератов на основании своего разговора с французским поверенным в делах Панафье, что „быть может, в виду наших дружеских отношений с Англией некоторое движение дела (т.-е. вопроса о проливах. Я. З.) в смысле нашего желания было бы осуществимо“? ¹⁾

Ответить на этот вопрос следует безусловно отрицательно. Русско-английское сближение являлось результатом англо-германской вражды; как эта последняя к 1911 г. не была сильна, но у английской дипломатии все еще оставалась надежда на мирное соглашение с Германией (следует помнить, что разрыв, связанный с неудачей переговоров лорда Хольдена, произошел только в следующем, 1912 году). Вот почему у Англии не было оснований (как это было позднее в 1915 г.) жертвовать ради германской опасности своей традиционной политикой страха перед проникновением России на ближний Восток. Это обстоятельство должно было сказаться тем сильнее, до английские политики не могли не понимать, что русское стремление к открытию проливов является лишь первым шагом, за которым последует ряд других, гораздо более опасных для Англии.

При такой позиции Англии, Германия и Австрия могли сколько угодно соглашаться на русские планы (дабы избежать одиума отказа), ибо хорошо понимали, что осуществиться им все равно не суждено. Напротив того, Франция, как держава близкая не только России, но и Англии, неизбежно должна была действовать чрезвычайно осторожно.

Последнее обстоятельство было, повидимому, замечено русской дипломатией еще в самом начале переговоров. Уже 28 октября А. А. Нератов, сообщая А. П. Извольскому о разговоре Чарыкова с Бомпаром (о котором мы уже говорили), отмечает:

„Бомпар признал необходимою солидарность Великобритании. Это наводит на мысль, что, быть может, между Францией и Англией существует особый уговор по вопросу о проливах. Если в Ваших переговорах с Французским Правительством возможно осветить эту сторону дела, благоволите телеграфировать для дальнейших инструкций Чарыкову“ ²⁾.

Ответ на вопрос Нератова был дан в письме А. П. Извольского от 13/26 октября, в котором он, излагая одну из своих бесед с де-Сельвом, говорит:

„Единственная сторона дела, которая его, видимо, озабочивала — это вероятное отношение к нему (к вопросу о проливах Я. З.) Англии. Из его слов я могу заключить, что, хотя между Францией и Англией не существует никакого специального уговора о проливах, он придает большое значение согласованному образу действий между Парижским и Лондонским Кабинетами по этому поводу. Французскому послу в Лондоне поручено осведомиться на этот счет. . . .“ ³⁾.

Мы, к сожалению, не имеем еще документов, рисующих ход русско-английских переговоров по вопросу о проливах. Поэтому приходится ограничиться теми данными, которые имеются в составленной 4 сентября 1912 г. Д. А. Нелидовым и дополненной

¹⁾ „Материалы“, стр. 119.

²⁾ Там-же, стр. 118.

³⁾ Там-же, стр. 124.

Н. А. Базили записке под названием „Обзор последних переговоров по вопросу о проливах в 1911 г.“¹⁾.

„6 октября 1911 г. № 660 сообщается графу Бенкендорфу²⁾, что Н. В. Чарыкову при переговорах о железных дорогах предоставлено расширить le cas échéant рамки переговоров и затронуть щекотливейший из вопросов — о проливах, о чем посол завел речь с Бомпаром и упомянул и Лоудеру³⁾. На случай разговора гр. Бенкендорфу сообщается предыдущая переписка.

Гр. Бенкендорф 10 октября сообщает в ответ разговор с Камбоном⁴⁾, коему сказал Никольсон, что по его убеждению, мнение Англии то же, как и в 1908 г. и что нынешний момент (война Италии с Турцией) неудобен для возбуждения вопроса о проливах.

Гр. Бенкендорф сказал Грею, что мы де желаем, чтобы султан собственной властью объявил свободный проход русских военных судов без задержки. Эта форма была выбрана, чтобы избежать затяжку от пересмотра договоров. Грей ответил, что он согласен дать свою поддержку в Константинополе подобно тому, как сделал это в 1908 г., а что иначе ему нужно справиться с тракатами и сообщить совещанию министров.

11 октября Английский Поверенный в делах сделал устное сообщение по тому же вопросу, что Грей придерживается мнения, что в мирное время проход русских судов возможен при согласии Турции, но что в военное время и, если замешана Россия, нельзя ставить другую воюющую державу в невыгодное положение“⁵⁾.

Итак, уже в середине октября Англия обещала „поддерживать“ стремления России подобно тому, как это было сделано в 1908 г. После такого ответа вопрос по существу был уже решен и Германия с Австро-Венгрией могли с легким сердцем дать свое согласие. Продолжая переговоры после английского ответа, русская дипломатия в сущности уже могла ставить себе только одну задачу — выйти с возможно меньшим уроном для своего самолюбия из создавшегося неловкого положения. Если же Н. В. Чарыков и А. П. Извольский в дальнейшем, как мы уже видели, продолжали усердствовать, то делали это за собственный страх и риск. Вопрос был похоронен уже 11 октября и 20 октября Бенкендорфу было сообщено⁶⁾ для передачи английским дипломатам, что „вообще мы стремимся

1) Там-же, стр. 528—538.

2) Русский посол в Лондоне.

3) Английский посол в Константинополе.

4) Французский посол в Лондоне. Приводим для сравнения перевод сообщенного русскому М-ву Ин. Дел де-Сельвом донесения Камбона от 2 ноября (н. с.) 1911 г. за № 2109:

„В телеграмме из Рима в Лондон Итальянскому послу сообщается, будто г. Чарыков сделал в Константинополе официальное сообщение, требуя свободы проливов для русских военных судов и будю взамен Россия обещает Турции некоторую гарантию против военных выступлений балканских государств и уступает свое преимущественное право на постройку железнодорожных путей в малоазиатских вилайетах, пограничных с Россией.

По этому вопросу маркиз Имперали (итальянский посол в Лондоне Я. З.) запросил сэра А. Никольсона (английский товарищ министра Ин. Дел Я. З.), который ответил, что ничего не знает об официальном заявлении Российского посла в Константинополе: Российский посол в Лондоне не говорил о нем сэру Грею, а г. Нератов ничего не сказал по этому поводу Английскому послу в Петербурге. Сэр А. Никольсон прибавил, что вопрос о проливах может быть урегулирован лишь с согласия держав. Он думает, что дошедшее в Рим известие о русском выступлении относительно Дарданелл, имеет источником недавнюю беседу между г-ном Чарыковым и Великим Визирем. Когда г. Чарыков попытался продолжать эту беседу, Саид Паша попросил его обратиться в Министерство Иностранных Дел: отсюда вывели заключение, что переговоры перестали быть частными, а принимают официальный характер.

„Сэр А. Никольсон повторил мне уверение, уже данное сэром Э. Греем Российскому Послу в Лондоне, относительно решения Англии соблюдать обязательство, данное в 1908 году, г-ну Извольскому. Он также повторил мне, что сказал маркизу Имперали о необходимости участия всех Держав, подписавших Лондонскую Конвенцию, в переговорах о проливах“. „Материалы“, стр. 131—131.

5) Там-же, стр. 536—537.

6) Там-же, стр. 537.

не к решению вопроса ныне же, а лишь к выяснению могущих представиться условий его решения". А когда 8 декабря турецкое правительство ответило на русские предложения официальным отказом (со ссылкой на договор 1871 г. и Берлинский конгресс), то С. Д. Сазонову не оставалось ничего другого, как в сделанном им в тот же день сообщении сотруднику „Temps“ заявить, что все разговоры Н. В. Чарыкова с турецкими государственными людьми носили „теоретический и частный“ характер и что он вообще вышел за пределы предоставленных ему полномочий ¹⁾.

¹⁾ По вопросу о дальнейшей русской политике в отношении Константинополя и проливов см. нашу статью „Константинополь и проливы“ в т. т. VI и VII „Красного Архива“.

А. МОЛОК.

Россель и военно-патриотическое течение в Парижской Коммуне 1871 года.

А. Molok. — *Rossel und die militärisch-patriotische Strömung zur Zeit der Pariser Kommune 1871.*

Die Pariser Kommune, aus der patriotischer Stimmungen nicht baren revolutionären Bewegung des Winters 1870/71 und Frühlings 1871 entstanden, trat im April 1871 in ein Stadium offenen Kampfes gegen die Versailler Krautjunker, die den vom Sieger aufgezwungenen, räuberischen Frieden sanktioniert hatten; in ihren Reihen kämpfte eine Gruppe von Männern — hauptsächlich Mitglieder des früheren Offiziers-Korps — die sich dem Aufstande ausschliesslich aus Haß gegen die „Kapitulierenden Generäle“ angeschlossen hatten in der Hoffnung, daß eine siegreiche revolutionäre Bewegung den abgeschlossenen unwürdigen Frieden annullieren und eine Revanche — Kampagne gegen Deutschland ins Werk setzen würde. Die vorliegende Arbeit beschäftigt sich mit dieser interessanten, bisher in der Historiographie der „Kommune“ nicht weiter erforschten Frage über die militärisch-patriotischen Strömungen der Revolution von 1871, wobei als typischste und prägnanteste Persönlichkeit dieser Bewegung Oberst Rossel (Kommandeur des Generalstabes, später Kriegsminister der Kommune) gelten kann.

Революционизирующее значение патриотических настроений пролетарских и полупролетарских масс Парижа в период первой осады и накануне революции 18 марта общеизвестно. Известно также, как в огне гражданской войны сгорели патриотические иллюзии восставшего пролетариата, как знамя Коммуны стало знаменем „всемирной социальной республики“. Настоящий очерк посвящен анализу не этого патриотизма рабочих масс, а той еще совсем не изученной, хотя и весьма интересной, военно-патриотической платформы, которая побудила целый ряд кадровых офицеров (главным образом, из молодежи), оскорбленных военной катастрофой Франции и еще не потерявших надежды на немедленный реванш, предложить свою шпагу Коммуне, возникшей из нечуждого патриотизму движения. Анализ военно-патриотического течения в пролетарской революции 1871 года мы даем здесь в связи с личностью его наиболее яркого представителя — инженерного полковника Росселя ¹⁾.

¹⁾ На службе Коммуны Россель занимал последовательно следующие посты: начальника XVII-го легиона национальной гвардии, начальника главного штаба и председателя военного трибунала, наконец — военного делегата (министра). 9 мая, разуверившись в надежде справиться с возрастающей дезорганизацией военных сил Коммуны, он (под влиянием крупной военной неудачи) подал в отставку, был арестован, а на следующий день скрылся от преследований Коммуны, перестав принимать участие в обороне Парижа.

„Узнав из опубликованной сегодня телеграммы, полученной из Версаля ¹⁾, что в стране есть две борющиеся партии, я без колебания присоединяюсь к той, которая не подписала мира и не имеет в своих рядах генералов, виновных в капитуляциях“ ²⁾: так писал Россель 19 марта военному министру, извещая его о своем отъезде в Париж, куда он и выехал в ночь на 20 марта, передав дела по ликвидации инженерной части Неверского резервного лагеря помощнику ³⁾.

Что же побудило молодого офицера—из буржуазной семьи и без тени революционного прошлого—броситься в лагерь пролетарской революции, которая и не думала, повидимому, в этот момент о возобновлении войны с Германией? ⁴⁾ Ответ,—который дают на этот вопрос и сам Россель (на суде, в письмах, в дневнике) и большинство современников (как из среды версальцев, так и из среды коммунаров) и историков ⁵⁾, и который подтверждается всем имеющимся

¹⁾ Речь идет о телеграмме Тьера от 19 марта (разосланной всем провинциальным властям), в которой сообщалось, что „правительство в полном составе собралось в Версале“ и что „армия в полном порядке под начальством генерала Винуа сосредоточена там в количестве 40.000 человек“, и предписывалось всем гражданским и военным властям „под страхом обвинения в нарушении присяги, не исполнять ничьих распоряжений, кроме приказов законного правительства, находящегося в Версале“ („*Murailles Politiques Françaises*“. Tome II. La Commune. Paris 1874; p. 11. А. И. Молок. „Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах“. ГИЗ, 1925; стр. 43).

²⁾ „*Mémoires et correspondance de Louis Rossel. 1844—1871*“. Paris 1908; p. 291 (разрядка моя—А. М.): „... je me range sans hésitation du côté de celui qui n'a pas signé la paix et qui ne compte pas dans ses rangs de généraux coupables de capitulations“.

³⁾ По французским законам, прошение об отставке военно-служащего должно быть изложено категорически, без всяких мотивов (мотивированное прошение навлекает на него дисциплинарное взыскание); отставка вступает в силу с того момента, когда она утверждена установленным порядком (между тем Россель, самовольно оставив Неверский лагерь, не дал даже времени военному министру утвердить или не утвердить его отставку). 3-е отделение версальского военного суда, пред которым Россель предстал 8 сентября, приговорило его к смертной казни (на основании ст. 238 Военного Кодекса, карающей за дезертирство из рядов армии и переход на сторону врага. Приговор был приведен в исполнение 28 ноября 1871 г.).

⁴⁾ В самый день приезда Росселя Париж узнал (из заметки, помещенной в „*Journal officiel*“ от 20/III—1871 и подписанной „уполномоченным по внутренним делам“), что новое, революционное правительство, в лице П. К. национальной гвардии, решило „твердо соблюдать предварительные условия мира, дабы обеспечить таким образом целостность республиканской Франции и дело общего мира“. На следующий день (21/III) в парижском „*Journal officiel*“ появилась аналогичная заметка, а 23 марта та же газета опубликовала депешу (от 22-го), в которой Комитет и его „делегат по внешним сношениям“ заверяют германское военное командование (в ответ на запрос последнего от 21 числа) в том, что „революция, совершенная в Париже Центральным Комитетом, имея чисто-муниципальный характер, отнюдь не направлена против германских армий“ и не собирается пересматривать „предварительные условия мира, принятые Бордосским Собранием“. Несколько странно, что Россель, — который не мог не знать этих документов, перепечатанных в свое время всеми парижскими газетами, — на вопрос председателя суда отвечал, что „узнал об этом лишь к концу Коммуны, когда было уже слишком поздно“; правда, тут же, почувствовав вероятно всю шаткость своего объяснения, он добавлял: „в принципе я был убежден, что мы в конце концов обрушимся на пруссаков“ („*Procès de la Commune*“, 2-me série, p. 44).

⁵⁾ Если версалец Добан, коммунар Лиссагарэ, марксисты Бакс и Мендельсон и некоторые др. пытаются объяснить поведение Росселя только „ненасытным честолюбием“, „беспокойным желанием выдвинуться“, — то большинство новейших историков Коммуны стоят на точке зрения Л. Дюбрейля, который называет его „истинным патриотом-фанатиком“ („*Коммуна 1871 г.*“ ГИЗ, 1920; стр. 206). Ж. Буржен: „... Россель, еще вчера офицер регулярной армии, ныне социалист из честолюбия и обманутого патриотизма“ („*Histoire de la Commune*“. Paris s. a.; p. 144). Н. Лукин: „Россель был молодой офицер, инженерный полковник, предложивший свои услуги Коммуне единственно под влиянием крайнего раздражения против легального версальского правительства, подписавшего унижительный мир с Пруссией“ („Парижская Коммуна

по этому делу материалом, — может быть только один: чувство оскорбленного патриотизма и уязвленное самолюбие военного, жажда мести „генералам от капитуляции“, надежда на возобновление войны и на военный реванш Франции.

„Я считал только-что заключенный мирный договор пагубным для Франции и находил, что от него нужно так или иначе избавиться“, — говорил Россель на суде. „Я возлагал большие надежды на восстание, вспыхнувшее в Париже, так как оно с самого начала имело враждебный пруссакам характер. Я надеялся, что, рано или поздно, оно обратится против внешнего врага... Я жаждал полного освобождения территории страны и реванша для французской армии“ (*je voulais la délivrance complète du territoire et la revanche de l'armée française*)¹⁾. 7 октября, при вторичном разборе своего дела, Россель дает аналогичные объяснения: „Единственным мотивом, толкнувшим меня в ряды федератов, было желание продолжить борьбу и разорвать позорный мир, который нам только-что навязали. Я был уверен, что война возобновится, так как пруссаки, будучи врагами всякого республиканского правительства, должны были, по моему мнению, сами возобновить военные действия. Отправляясь в Париж, я преследовал таким образом только одну цель: содействовать всеми силами успеху не социалистической революции, а революции, которая могла бы отомстить за страну...“²⁾ Он вступает в полемику с председателем суда, доказывая, что и после падения Парижа продолжение войны было возможно и кампания могла быть выиграна Францией, при условии мобилизации всех национальных сил и иного, патриотического, руководства³⁾.

Но — можно возразить — показания Росселя на суде не заслуживают большого доверия, как сделанные задним числом и с целью самооправдания. Допустим даже, что и показания свидетелей⁴⁾ (двух генералов, банкира и других представителей буржуазных кругов), всецело подтверждающие объяснения Росселя, продиктованы личными симпатиями к подсудимому и потому слишком пристрастны. Обратимся к другим, более надежным материалам, более надежным уже по одному тому, что они относятся к периоду до 18 марта.

Это — письма и заметки Росселя за январь — март 1871 года. Перелистывая их, невольно поражаешься единству мысли и настроения, которым они проникнуты. Бесперывные военные неудачи Франции,

1871 г.“. Изд. 2. 1924, стр. 394). К. Талес: „Россель принадлежал к числу тех, которые примкнули к Коммуне из патриотизма... Он надеялся, что Коммуна сможет разогнать Собрание, обратиться с призывом к избирателям и возобновить войну с немцами“ („Коммуна 1871 г.“ ГИЗ, 1925, стр. 118). Такого же взгляда придерживается биограф Росселя Charles Prolet („Le colonel Rossel“, Paris 1898). Точка зрения Ed. Lepel — letier на Росселя в первых трех томах его труда („Histoire de la Commune de 1871“, Paris 1911 — 1913) не выявлена.

1) „Procès de la Commune. Compte rendu des débats du conseil de guerre“ 2-me série, p. 43 — 44.

2) „Procès de la Commune“, 2-me série, p. 202 (разрядка моя — А. М): „... en venant à Paris, je n'ai eu qu'un but: concourir dans la mesure de mes forces, non au succès d'une insurrection socialiste, mais au succès d'une insurrection qui pouvait venger le pays“.

3) Ibidem, pp. 47, 200 — 205 (passim).

4) Генерал Вернь, б. начальник Неверского лагеря: „Я убежден, что Россель отправился в Париж с единственной целью продолжать борьбу с пруссаками и без всякой задней политической мысли. Он страстно хотел защищать свою страну; он думал только об этом...“ Банкир Эжен Бриссон, б. администратор Неверского лагеря: „... Россель близко принимал к сердцу национальную славу Франции; он вообразил вероятно, что парижские инсургенты мечтают о реванше...“ („Procès de la Commune, 2-me série, pp. 46—50. „Mém. et corresp. de Rossel“, pp. 514 — 518).

истощение ее материальных ресурсов, оккупация $\frac{2}{3}$ страны немецкими армиями, перемирие,—ничто не может поколебать безраздельно владеющей им идеи — „борьбы до последней крайности“.

„Если можно предвидеть будущее — пишет он матери 1 января 1871 года, — я думаю, что война еще не скоро окончится, хотя Париж, без сомнения, падет; но я рассчитываю на энергию людей, таких как я, или еще более решительных, которые не примирятся с разгромом“ ¹⁾. 7 января, подполковнику Бурра, командиру батальона вогезских добровольцев: „Нужно, чтобы решительные люди были готовы ко всему и не дали застигнуть себя врасплох ничем — ни падением Парижа, ни разгромом наших армий, ни происками реакции. Вот для чего я и пишу вам, дорогой товарищ. Пусть те, кто стоят за борьбу до последней крайности, подсчитают свои силы, свяжутся между собой и помнят, что их много, а главное, что они непримиримы“ ²⁾. Рисуя перспективы скорого падения Парижа и начала мирных переговоров, он спрашивает генерала Кремера, своего товарища по обороне Меца, активного участника заговора против капитулянтской политики маршала Базена и его бонапартистского штаба: „Что сделаете вы в этом случае? Хотя к чему спрашивать об этом вас, эльзасца: я и без того знаю, что вы будете продолжать борьбу“ ³⁾. Путем такой своеобразной переклички Россель готовит кадры той армии, которая должна освободить страну. Для начала нужно создать крепкое ядро: оно составит из Росселя и его молодых товарищей по Политехнической школе и по Мецу, в патриотизме которых он не сомневается и которые приведут с собой своих солдат (а ведь, один Кремер может привести целую дивизию, которою командует). И Россель вырабатывает план этой новой кампании: отступление за Луару, в неприступные для врага Севенские горы, откуда отдохнувшие и окрепшие войска начнут отвоевывать страну у немцев ⁴⁾.

1 февраля, под свежим впечатлением известия о капитуляции Парижа, он пишет отцу (который провел всю осаду в Париже, командуя батальоном национальной гвардии) письмо, в котором звучат — наряду с патриотическими — уже и революционные нотки: „Твое унижение удваивает мою злобу и жажду мести аристократам Франции и Пруссии (*ton malheur double ma provision de rancune et de vengeance contre les aristocrates de France et de Prusse*); первые довели нас до того положения, в котором мы находимся, вторые душат нас своими цепкими лапами“; и он добавляет: „я решил бороться до конца“ ⁵⁾.

„Трудно как-то говорить о войне в такой момент, когда стремление к миру столь всеобщее, можно даже сказать, столь извинительно“, — пишет он 15 февраля: „И все-таки я никак не могу согласиться с тем, чтобы мы путем мирного договора закрепили случайные успехи наших противников; я убежден, напротив, поскольку я верю в судьбы Фран-

¹⁾ „Mém. et corresp. de L. Rossel“, p. 259.

²⁾ Ibidem, p. 261.

³⁾ Ibidem, p. 264. — Кремер действительно был тогда, подобно Росселю, полон решимости продолжать борьбу „до последней крайности“ и, подобно Росселю, явился после 18 марта в Ратушу, но вместо того, чтобы честно стать на сторону революции, затеял сложную двойную игру, пока наконец, подозреваемый обеими сторонами и наполовину разоблаченный, не вынужден был оставить Париж и принять от Тьера назначение в Африку (G. Da Costa. „La Commune vécie“, I, 160 — 169. „Черная книга Парижской Коммуны“, стр. 98, 99, 182 — 183, 278 рус. изд.).

⁴⁾ Ibidem, p. 262.

⁵⁾ Ibidem, p. 275.

ции и революции, что победы этих педантов-аристократов только призрак, который не замедлит рассеяться" ¹⁾. „Война до последней крайности, продолжение борьбы до победного конца не есть какая-то утопия, какое-то заблуждение“, — пишет он около того же времени в другом месте ²⁾, доказывая, что „Франция обладает еще громадными матеральными ресурсами и большим количеством солдат“, что, как показывают исторические примеры, „борьба до последней крайности не может повредить ни одному народу“ и „имеет часто шансы на успех“. „Вспомним битву при Каннах ³⁾, завоевание Голландии Людовиком XIV во главе четырех самых могущественных армий Европы под командой Тюренна и Кондэ, вспомним захват Испании Наполеоном в 1808 году. Вот три положения, которые были гораздо более тяжелыми, более отчаянными и оставляли несравненно меньше шансов на достойный исход, нежели положение, создавшееся у нас с падением Парижа. Однако, из всех трех положений побежденные вышли с честью, — и это в результате не случайности, а пожалуй некоего общего закона, одна из самых характерных черт какового есть распадение (*dépérissement*) армий — победительниц... Выражение „Пиррова победа“ — отнюдь не парадокс. Для завоевателей наступает такой момент, когда в самой победе скрыты семена будущего поражения. Это — Канна, Москва ⁴⁾. Почему бы пруссакам не испытать такой же участи? Нужно только суметь выждать этого момента... и ни в коем случае не вступать с ними в переговоры о мире“. „У нас не хватает терпения, — заканчивает Россель, — мы заключаем мир также безрассудно, как вели войну. Наш народ слишком неустойчив, слишком большой скептик. 80 лет тому назад его можно было воспламенить до фанатизма идеями свободы, равенства, всемирной демократии; ну а теперь, во что он поверит теперь (*à quoi croira-t-il maintenant*)“.

16 февраля Россель так реагирует на разговоры о мире: „Патриоты надеются, что этот мир, если он и будет заключен, окажется только передышкой, которая поможет потерявшим голову людям притти в себя, а трусам — почувствовать всю тяжесть подобного мира ⁵⁾“. Но он не хочет еще отчаиваться: „Революцию придется, пожалуй, начать сызнова (*la révolution est peut-être à refaire*)“, — пишет он Гамбетте в конце февраля: „Если власть, в тех кошмарных условиях, в которых вам приходилось осуществлять ее, не измотала вас в конец, — я надеюсь, что мы это сделаем... Не могу-ли я помочь вам“ ⁶⁾.

К какой новой революции зовет здесь Россель бывшего турского и бордосского диктатора, который незадолго до этого (6 февраля) вынужден был выйти в отставку, из-за разногласий со своими парижскими коллегами — приказчиками Бисмарка — по вопросу о перемирии и выборах в Национальное Собрание? К революции, которая обеспечит республику (от покушений со стороны монархического большинства версальской „деревенщины“ и главы нового правительства — орлеаниста Тьера), разорвет мирный договор, возобновит войну с Гер-

¹⁾ „Mém. et corresp. de Louis Rossel“, pp. 275—281 (Hypothèse sur la continuation de la guerre).

²⁾ Ibidem, pp. 286—287 (La lutte à outrance).

³⁾ Полный разгром римской армии знаменитым карфагенским полководцем Ганнибалом в 216 году до н. э.

⁴⁾ 1812 год.

⁵⁾ Mém. et corresp. de L. Rossel, p. 280.

⁶⁾ Ibidem, p. 282—283.

манией ¹⁾. Пусть Гамбетта обманет его ожидания: Россель не перестанет ждать этой революции, как избавительницы, — хотя и не знает, откуда она должна притти.

14 марта он пишет родителям: „Положение Франции приводит меня в отчаяние. Пусть говорят, что партия была проиграна, и продолжение войны беспечно, — я не могу с этим согласиться: я вижу столько живых сил и средств, которые расходуются на одну внутреннюю грызню, я вижу такие громадные военные ресурсы, которые остаются неиспользованными, что не могу верить в необходимость мира. Не могу я, в особенности, поверить в необходимость репрессивных мер, только-что принятых, смертных приговоров, закрытия газет ²⁾. Революция еще не завершена; и мне кажется, что честным людям должно стать неспособно подчиняться правительству, которое подписало уступку наших провинций врагу, а теперь затягивает осадное положение в Париже, чтобы иметь возможность действовать там с большим произволом“ ³⁾. 18 марта, еще ничего не зная о парижских событиях, Россель пишет сестре: „Я стараюсь хоть немного отвлечься от мыслей о мирном трактате и обо всем происходящем, но это мне плохо удается“ (*je tâche de me guérir un peu du traité de paix et de tout cela, mais je n'y réussis guère*) ⁴⁾.

В таком настроении застает его известие о революции в Париже. „18 марта у меня не было больше отечества“, — писал он полгода спустя в версальской тюрьме: — „Франция лежала в развалинах, не было больше мужества, патриотизма, чести. 19 марта я узнаю, что один город взялся за оружие. В отчаянии я хватаюсь за этот лоскут отечества. Я не знал, кто были инсургенты, но мне было известно, против кого они восстали: этого для меня было достаточно (*Je ne savais pas qui étaient les insurgés, mais je savais contre*

¹⁾ В этих планах Россель был не совсем одинок. „В Тулузе на одном из [избирательных] собраний объявили парижское правительство низложенным и потребовали образования Комитета Общественного Спасения с Гамбеттой во главе, отвержения перемирия и продолжения войны во имя упорства республики“ (Н. Лукин. „Парижская Коммуна 1871 г. Изд. 2-е, 1924, стр. 127—128). Сходные настроения царили и в Париже и в Лионе. Приятель Росселя, генерал Кремер на избирательных собраниях открыто заявлял, „что с государственным деятелем подобным Гамбетте, и генералами, подобными Шанзи, можно было бы продолжать борьбу и прогнать пруссаков“ (Da Costa. „La Commune vécue“, I, 162).

²⁾ 10 марта Бланки, Флуранс и Эдмон Левро были заочно приговорены к смертной казни по делу о восстании 31 октября 1870 г. — 11 марта главнокомандующий парижской армией генерал Винуа закрыл 6 революционных газет — „Vengeur“, „Cri du Peuple“, „Mot d'Ordre“, „Père Duchêne“, „Bouche de fer“, „Caricature“.

³⁾ „Mém. et. corresp. de Rossel“, pp. 289-290 (разрядка моя — А. М.). — „Еще до 18 марта я думал о том, на чью сторону я должен буду стать, в случае восстания в Париже“, — писал Россель уже в версальской тюрьме (*ibidem*, p. 294): — „Смертный приговор над несколькими людьми из демократической партии за попытку восстания, которая имела место во время осады, и закрытие ряда газет усилили мою вражду к этим побежденным, безвольным и раболепным перед национальным врагом, наглым и бесцеремонным с неугодными им партиями. Газеты перечислили артиллерию, которой располагал тогда Париж. Я обратил особенное внимание на наличие шести сот полевых орудий; прочее оружие, как и боевые припасы, также имелись в изобилии. При умелом использовании этих громадных материальных ресурсов, возможность победы не была исключена для нас“ („*sil'on savait mettre en oeuvre cet immense matériel, il n'était pas impossible de ressaisir la victoire*“).

⁴⁾ *Ibidem*, p. 291 (разрядка моя — А. М.). — Генерал Вернь, начальник Неверского лагеря, рассказывал потом на суде, что Россель находился в это время в состоянии какой-то лихорадочной экзальтации, проводя целые ночи без сна и по целым дням не говоря ни слова („*Procès de la Commune*“, 2-me série, p. 47).

qui ils étaient insurgés et cela me suffisait). Пусть Коммуна (18 марта еще не было Коммуны, а была только революция), пусть Коммуна не объявила войны пруссакам; это не удивительно! Но нет сомнения, что в тот день, когда у революции появились бы шансы на успех, Пруссия объявила бы ей войну (mais il est certain que le jour où la Révolution aurait eu des chances de succès, la Prusse lui aurait déclaré la guerre»)»¹⁾.

Немалую роль в его решении играет и уязвленное самолюбие кадрового офицера, вынужденного краснеть за свой мундир. 19 марта из официального сообщения Россель узнает, что Париж эвакуирован 40-тысячной²⁾ армией, отступившей в Версаль в полном порядке. „Если бы я не чувствовал даже ни малейшей склонности к революции“, — писал он впоследствии, — „эта последняя подробность заставила бы меня броситься в восстание. Армия и без того уже покрыла себя немалым позором в эту войну; нужно было еще, чтобы 40000 человек очистили без боя Париж перед лицом такого ничтожного врага, как инсurreкция, — и это несмотря на то, что имели преимущество нападающей стороны — единственного действительно благоприятного шанса для всякого повстанческого движения“³⁾.

Другая нотка звучит в прощальной беседе Росселя 19 марта с инспектором косвенных налогов, в доме которого он жил в Невере: в ответ на уговоры последнего отказаться от принятого им решения, Россель указал, что вспыхнувшая в Париже революция „совершена народом, теми, кто страдают от современного социального строя“⁴⁾, и что долг каждого честного человека состоит в том, чтобы стать на сторону народа в такую критическую для последнего минуту. Новый мотив слышится и в следующих словах Росселя, написанных за два дня до смерти: „Когда я присоединился

¹⁾ „Mém. et corresp. de L. Rossel“, p. 408 (Rossel au 18 mars. — Note du 10 octobre 1871) (разрядка моя — А. М.). — Необходимость открытой германской военной интервенции в случае упрочения Коммуны и обострения гражданской войны сознавалась не одним Росселем. „...В случае поражения Национального Собрания, пруссаки, окружившие нас, выступили бы против победителей, которые взялись ведь за оружие единственно из протеста против Бордосского мира“, — говорит в своих мемуарах радикал Рошфор („Les Aventures de ma vie“, III, 3). „В игре Тьера — отмечает член Коммуны Арну („Народная история Парижской Коммуны“. П. 1919; стр. 109) — был один козырь, и этим страшным козырем были пруссаки. С ними ему нечего было бояться. Победоносную на день революции, которой он даже не пытался оказать сопротивление, которую он поджидал в Версале с саквояжем под мышкой, можно было на другой же день разбить о прусские штыки“. Если дело не дошло до прямого вмешательства немецких войск в военные действия, — то Бисмарк оказал все же немалую помощь Тьеру, согласившись на увеличение версальской армии до 130.000 чел. (хотя по условиям предварительного договора о мире военные силы Франции не должны были превышать 40 тысяч) и отпустив из плена тысячи французских солдат и офицеров, которые и дали возможность довести ее численность до указанной цифры. — Подробнее об этом см. К. Маркс „Гражданская война во Франции 1871 года“. Редакция и примечания А. И. Молок. „Прибой“ 1926; примечания 244, 256, 257, 258 и 274 (стр. 169, 172—174 и 178).

²⁾ Согласно позднейшим показаниям Тьера, в первые дни после 18 марта в его распоряжении было только 22.690 человек, притом совершенно деморализованных („Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“. Paris. 1872 p. 178). 6 апреля версальская армия насчитывала уже 64.894 чел. (Vinoüy. „L'Armistice et la Commune“. Paris 1872; p. 421).

³⁾ „Mém. et corresp. de Louis Rossel“, p. 295. — Еще в письме от 14 марта Россель признавался, что прямо ненавидит „ремесло солдата“ (ibid., p. 289). Тяготясь военной службой, он мечтал в это время о том, чтобы выйти в отставку и уехать за границу (ibid., pp. 205, 289).

⁴⁾ Ibidem, p. 295 (разрядка моя — А. М.).

к восстанию, я не рассчитывал на успех и не предполагал занять в нем одно из первых мест. Я повиновался своему политическому долгу: когда вспыхивает гражданская война, каждый гражданин должен поддерживать свою партию. Мое место, место республиканца, было в Париже...“¹⁾).

Итак, в Париж его зовет не только долг патриота, мечтающего о возрождении своей страны, не только долг военного, мечтающего о реванше французского оружия, но и долг демократа, сочувствующего восстанию угнетенных и эксплуатируемых, и долг республиканца, обязанного защищать страну от грозящей ей монархической реставрации. Впрочем, оба последних мотива — социальный и политический — занимают подчиненное место в общем строе военно-патриотической идеологии Росселя, представляющей, в конечном счете, разновидность мелкобуржуазного радикализма, ведущего свое происхождение от якобинского периода великой французской революции²⁾. Это особенно ясно из слов Росселя в заседании Коммуны 4-го мая, в которых он совершенно недвусмысленно признается, что и его демократизм и его „социализм“³⁾ являются только производным и его патриотизма:

„Я горячо любил и люблю Францию. Но во время последней войны я вынужден был признать, что старая Франция умирает. Я видел и проклял неспособность и трусость высшего командования. Я увидел еще, что социальный строй, основанный на гнете и насилии, приближается к своей агонии. Из ненависти к тем, кто предал мое отечество, из ненависти к старому социальному строю, я стал под обновляющее знамя рабочих Парижа (*en haine de ceux qui ont livré ma patrie, en haine du vieil ordre social, je suis venu me ranger sous le drapeau rénovateur des ouvriers de Paris*). Я не знаю, чем будет новый, социалистический строй; но я верю в него и думаю, что он будет во всяком случае лучше старого. Вот почему я дал себе клятву, что буду всеми силами работать над разрушением прошлого, которое я ненавижу зрелой и продуманной ненавистью, и над подготовкой будущего, которое я понимаю как свободу и равенство для всех, одним словом, как справедливость“⁴⁾.

Через гражданскую войну к войне национальной — такова концепция Росселя: организуя оборону революционного Парижа, он не забывает однако своей основной цели — немцев. 28 апреля, в самый разгар борьбы с Версалем, он приходит в архив военнопленного управления за планами французских крепостей, занятых немцами, и на вопрос главного хранителя отвечает, что они нужны ему для того, чтобы после победы над Версалем возобновить войну

¹⁾ „Mém. et corresp. de L. Rossel“, p. 429 (разрядка моя — А. М.): „...Républicain mon parti était à Paris“.

²⁾ Недаром Россель так преклоняется перед этой эпохой; его любимые герои — это Сен-Жюст и „организатор победы“ Карно.

³⁾ Если республиканские чувства Россель проявлял еще до войны (голосуя против майского плебисцита 1870 г.), то о социализме он — и до и после Коммуны — отзывался как об утопии.

⁴⁾ B. Malon. „La Troisième défaite du prolétariat français“. Neuchâtel 1871, p. 304; разрядка моя — А. М. (Малон ошибочно переносит это заявление Росселя на заседание 5 мая). — Несколько иначе излагает это заявление Росселя Лиссагарэ („История Парижской Коммуны 1871 г.“, изд. „Колокол“ 1905 г.; стр. 288): „Я не могу сказать, что я глубоко изучил социальные реформы, но меня охватывает ужас при мысли о том обществе, которое предательски губит Францию. Я не знаю, каким будет этот новый порядок — социализм; я люблю его, принимая его на веру; он во всяком случае будет лучше старого“.

с Германией ¹⁾. Журналист Вильом рассказывает в своих записках, как порастил его (и его товарищей по редакции бланкистского листка „Отец-Дюшен“—Эмбера и Вермеша) Россель своими патриотическими планами: „Для него, несмотря на поражение, капитуляцию, мир, несмотря на его первые разочарования в военных силах, которыми могла располагать Коммуна, — еще ничто не было потеряно. Коммуна могла одержать верх над Версалем, распустить Собрание, обратиться с призывом к избирателям, возобновить войну...“ ²⁾. Не менее интересно свидетельство Баррона, одного из секретарей военной делегации Коммуны. Когда этот последний, недовольный своим назначением, стал проситься на фронт, в бой, то услышал следующий неожиданный ответ:

„Терпение! Когда придет время, мы все пойдем в бой против пруссаков“. „Как против пруссаков?.. Ведь, воюем-то мы не с пруссаками, а с версальцами!“—возражает удивленный Баррон. Но майор Сеген, помощник начальника главного штаба, друг и приятель Росселя, шопотом поясняет: „Нет, мы боремся не против версальцев, а против капитулянтов, против виновников позорного мира во что бы то ни стало: через них мы доберемся до пруссаков!“ ³⁾—„Об этом открыто говорят в маленькой группе близких к полковнику Росселю людей“, — добавляет в своем дневнике Баррон, — „и эта безумная мечта, эта несбыточная надежда, эта дерзкая утопия не встречает ни малейшего недоверия среди мистиков патриотизма“ ⁴⁾.

При всем своеобразии мотивов, толкнувших Росселя в революцию 18 марта, он был, как видим, далеко не единственным, хотя бесспорно самым ярким, представителем военно-патриотического течения в Коммуне. „...Очень многие патриоты заблудились в этом движении и, как Россель например, думали, что через него и с его помощью возможно было на электризовать истекающую кровью и умирающую Францию и снова бросить ее на пруссаков. Мечта безумная, нелепая надежда, но она все-таки возбуждала, несомненно, немало голов“ ⁵⁾. В частности, целый ряд кадровых офицеров и офи-

¹⁾ „Procès de la Commune“. 2-me série, p. 50 (показание главного хранителя архива — Marius Chabert). — Рассказ Росселя об этом эпизоде стоит в некотором противоречии с показанием хранителя. Последний утверждал, что он отказался выдать требуемые материалы, собирать каковые он, по словам Росселя („Mém. et corresp. de Rossel, p. 405), был им якобы специально уполномочен.

²⁾ Максим Вильом. „В дни Коммуны“. „Прибой“, 1925; стр. 146.

³⁾ Louis Barron. „Sous le drapeau rouge“. Paris 1889; p. 20 — 21 (разрядка моя — А. М.): „Non, ce n'est pas contre les Versaillais que nous nous battons, c'est contre les capitulards, les honteux de la paix à outrance; par eux nous arriverons jusqu'aux Prussiens!“

⁴⁾ Ibidem. — К сожалению, Баррон не называет (кроме Сегена) этих единомышленников Росселя.

⁵⁾ Луи Дюбрейль. „Коммуна 1871 г.“, ГИЗ, 1920, стр. 269. — Немецкий буржуазный историк Коммуны Бернгард Беккер утверждает даже, что „возобновление войны с Германией, к которому он (Россель — А. М.) стремился, было скрытой тенденцией Коммуны“ (Bernhard Becker. „Geschichte und Theorie der Pariser revolutionären Kommune des Jahres 1871“. Leipzig 1879; SS. 203 — 204). Наш соотечественник П. Лавров писал 30 марта своей приятельнице Е. А. Штакеншнейдер, что если „существующее в Париже правительство“ восторжествует, „то едва ли война с Германией не начнется сызнова...“ („Голос Минувшего“, 1916 г., № 7 — 8, стр. 123). Интересно также мнение члена Коммуны интернационалиста Лефрансэ: „...Торжество этой революции могло оживить не совсем еще угасший во Франции патриотизм... Кто знает, что тогда получилось бы? Быть может, победоносное коммуналистическое движение рассеяло бы, как дым, призрак новой германской империи!“ (Le français. „Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871“, p. 342).

церов военного времени ¹⁾, предложивших Коммуне свои военные знания и свой боевой опыт, действовали повидимому под влиянием того же чувства оскорбленного патриотизма, которое двигало Росселем и которому он остался верен до последних минут своей жизни ²⁾.

¹⁾ В частности, эльзасцы (в роде полковников Ветцеля, Витта, Майера и др.), образовавшие добровольческий „эльзасско-лотарингский легион“ для участия в обороне революционного Парижа. „Чтобы освободить нашу страну, — заявляли они, — мы должны сперва избавиться от империалистов и роялистов Версаля“ („Journal officiel“, 3 V — 1871).

²⁾ За два часа до казни Россель, прощаясь со своим адвокатом, просил его передать всем своим друзьям, что „единственной целью“ и „единственным честолюбием“, побудившими его (Россе́ля) принять участие в Коммуне, было — возобновить войну с немцами (*mon seul mobile, mon unique ambition a été de recommencer la guerre*): Rossel. „Papiers posthumes recueillis et annotés par Jules Amigues“. Paris 1871; p. 373.

